

Воспоминания о ХГИК

Писать воспоминания и *радостно* и *грустно*. Наверное, такие чувства возникают не всегда, но если приходится вспоминать о событиях 50-летней давности, то *грустные* эмоции порой зашкаливают, но и *радостных* предостаточно. Ведь за 50 лет в моей жизни (с 1967 по 2018 год) произошло много всяких событий. Они наплывают, нанизываются на общую нить времён, будоражат и заставляют пережить многие события заново. Не просто заново, а в интерпретации сегодняшнего дня. Все время думается, что по какому-либо вопросу в прошлом поступил неправильно, опрометчиво, кого-то несправедливо обидел. А не вернёшь, не переделаешь, не исправишь.

Я вот начал с 1967 года. Но речь-то идёт не обо мне. Ведь воспоминания об институте. Но какие могут быть воспоминания без отношения к ним вспоминающего. Это **мои** воспоминания. Они во мне, а я в них. Тут уж без субъективности не обойтись. А для меня они и *радостны* и *грустны* одновременно. Поэтому смирился читатель с тем, что все время будут мелькать слова «Я» и «Институт». Но воспоминания, всё же об институте, но через мои ощущения, через многие события (*радостные* и *грустные*) произошедшие в моей жизни и под влиянием общностей с институтом и моего некоторого (прошу простить за возможную нескромность) положительного влияния на отдельные события первых лет и института и моей работы в нём. Хотя, если возникает вопрос «кто кому дал больше: я институту или институт мне, то однозначно – институт мне!

Итак, я начал с 1967 года. Но это не год открытия ХГИКа. Это год моего прибытия в Хабаровск после окончания Новосибирской консерватории по классу композиции. Мои учителя-композиторы: Иванов Георгий Николаевич и Яковлев Алексей Фёдорович.

Эти, так сказать, «предварительные» для настоящих воспоминаний, факты очень важны. Окончание консерватории увенчалось распределением на работу. У меня было три реальных варианта (а виртуальных намного больше – теоретики практически были нужны во всех музыкальных училищах. Но об этом см. ниже). Первый - поехать в Омск, в котором жили мои родители, брат и сестры. В этом же городе я начинал своё обучение в музыкальном училище. Из Омска меня и в армию призвали. Поэтому вариант с этим городом рассматривался серьезно. Мешал «пустяк» – училище не гарантировало выделение молодому специалисту квартиру. Хорош пустяк! А жить где? У родителей в их маленьком частном домике не предназначенном для более чем трёх жильцов? А фортепиано как содержать

с резкими перепадами температуры зимой (Омск – город сибирский!), влажности летом и т.д? Омск отпал.

Второй вариант: музыкальное училище в Абакане. Там, по словам директора, меня уже ждала квартира. Он мне даже ключи показывал. Мне, как и всем выпускникам композиторам имеющим в дипломе запись «преподаватель музыкально-теоретических дисциплин» рады были везде. Здесь уместно вспомнить, что в те далекие годы газета «Советская культура» постоянно публиковала объявления: «требуется, требуется...» В разные училища требовались разные специалисты, но при этом преподаватели музыкально-теоретических дисциплин требовались неизменно во все училища. Требовались они и в Абаканское училище. Более того, там композитора ожидали особенно, ибо требовалось закончить оперу местного ушедшего из жизни композитора. Опера была связана с мотивами национального эпоса и появлением её интересовались советские и партийные органы. Забегая вперед, скажу, что так называемая «не оконченная опера», как мне потом приватно рассказывали друзья, была скорее «не начатой» (не считая неких скромных набросков), чем «не оконченной». Возможно, эта информация и не совсем соответствовала действительности, но к этому моменту я уже жил иными интересами.

И вот третий вариант: Хабаровское музыкальное училище. Этот вариант возник, как говорится, - в последнюю минуту. Один из студентов-заочников из Хабаровска по поручению директора хабаровского училища искусств предлагал выпускающимся очникам поехать в Хабаровск. Все просто: директор поручил, а он выполнял, то есть предлагал и никаких встречных эмоций взамен не требовал и не получал. Но вдруг один «клиент» (это я!) заинтересовался и буквально за пару дней до распределения дал положительный ответ. Конечно, я о Хабаровске знал немало. Во-первых, там было Дальневосточное отделение Союза композиторов СССР, во-вторых - там был филармонический симфонический оркестр. Ещё неся службу в ансамбле песни пляски Забайкальского военного округа (базирувавшемся в городе Чите) я много узнал о музыкальной жизни Хабаровска. Об этом рассказывал наш художественный руководитель Д.С. Генделев. (Замечательный человек!) Он был профессиональным композитором и с созданием ДВ композиторской организации оказался зачисленным в её состав. Вот так, - почти спонтанно мы: жена Любовь (пианистка – преподаватель специальности в ДМШ) и наша четырехлетняя дочурка Женя помчались на Дальний Восток. Вот так – вдруг (почти авантюрно) я предопределил своё (и своей семьи) будущее. Знакомясь с воспоминаниями многих людей, часто встречался с подобной ситуацией. Резюме у них было,

как правило позитивное. Редко кто потом корил себя за необдуманый поступок. Возможно эта редкость была обусловлена тем, что, как говорится «... и вспоминать не хочется». У меня нет такого ощущения. Тем более сейчас (прошло почти 50 лет и я вдоволь «навидался» всякого), а сожалений нет и уже не будет

Я уже вспоминал своё там появление (когда речь шла о песне «Зелёные куртки») и повторяться не буду. Скажу лишь, что и город и люди (коллеги по училищу и по Союзу композиторов) мне показались простыми, чуткими, вежливыми и заботливыми. И это моё первое впечатление не обмануло. И это *радостное* чувство я пронёс через все 50 последующих лет вплоть до написания сих строк!

Конечно, в течение последующих моих десяти лет пребывания на Дальнем Востоке пришлось столкнуться с людьми разными (попадались и откровенные негодяи и их количество множилось уже за пределами указанных лет), но в композиторах Н.Н. Менцере и Ю.Я. Владимирове я сразу нашел друзей. Увы, этих людей уже нет и это *грустно*. Но в любом случае эти мои первые самостоятельные 10 лет я воспринимаю как взлетно-посадочную полосу: загрузился в самолет, задраены двери, могучий разгон, отрыв и стремительный подъём. А дальше? А дальше – вперёд в облака, выше, выше и вот уже над облаками... Такие вот ассоциации. Не случайные, так как связь с Москвой и с Ленинградом (сколько же раз за эти 10 лет я проделал указанный путь? Не сосчитать!) практически и как правило осуществлялась по воздуху.

И как-то незаметно пролетели первые хабаровские полтора года, прежде чем я получил квартиру. Квартирка оказалась не «ах какая»: двухкомнатная проходная «хрущёба», но с телефоном, в центре города на тихой улице в пяти пешеходных минутах от пляжа на Амуре, от причалов прогулочных и прочих катеров и теплоходов. Живописнейшая картина, открывавшаяся до голубого горизонта поражала. Всё было *радостно* и обещало большие творческие перспективы.

Так оно и оказалось - «обещания» сбылись. Правда, вскоре выяснилось, что Дальний Восток это понятие не только географическое. Удалённость от больших культурных центров сказывалась. И в первую очередь это ощущалось в сфере исполнительских сил. В полной мере я это ощутил много позже, когда в 1977 году был приглашен в Петрозаводскую консерваторию, которая была перенасыщена (так я это воспринял) высоко профессиональными музыкантами-исполнителями. Кому как, а для композитора нехватка необходимых исполнителей *радостей* не добавляет. Правда, и *грусти* я не испытывал, ибо мои наставники по консерватории

рекомендовали создавать музыку не для таких музыкальных инструментов которых нет «под рукой», а для тех кто рядом. Молодому становящемуся на ноги композитору эти советы были кстати. Да и двухлетний опыт службы-работы в военном Ансамбле песни и пляски тоже был кстати. Так очень скоро появилась хоровая «Дума о Родине» на слова местного молодого поэта В. Шульжика. Её исполнял хор музыкально-педагогического училища. Дирижировал П. Вольхин. Появилась Сонатина №2 для фортепиано. Впервые она прозвучала под пальцами М. Шальтис. По просьбе обкома ВЛКСМ мы с поэтом В. Шульжиком начали писать цикл песен о комсомоле. А образцовый духовой оркестр военного округа (замечательный, высоко профессиональный!) вскоре приступил к репетициям симфонической поэмы «Бонивур». Хор училища искусств под управлением Юрия Любовича стал исполнять мои новые и ранние произведения. А в 1970 году пришёл по-настоящему большой (даже огромный) успех: к 100 - летию со дня рождения В.И. Ленина я написал поэму (часто её именуют ораторией) на стихи С Васильева «С именем Ленина». Для её исполнения были призваны главные исполнительские силы города: смешанный хор училища искусств и хор уже открывшегося Института культуры (главный хормейстер Валерий Успенский), детский хор студии «Тополёк» (руководитель Лидия Гладкая), мужская группа военного ансамбля песни и пляски, солист (баритон) Пётр Кисленко и симфонический оркестр под управлением Виктора Тица.

Пройдет немного времени и наступит юбилей освобождения Дальнего Востока от гражданской войны. Пишу ораторию «Памятник» на стихи поэта А. Карасика. Для солистов, хора и симфонического оркестра.

На площади «над Амуром» стоит величественный монумент. С помощью Интернет – гида гуляю по современному Хабаровску, смотрю страницы фотоальбома («Хабаровск» 1979 года) и вижу не только стеллу с тремя мужественными фигурами, но и потрясающую перспективу левобережья Амура, и незабываемую ретроспективу города, края, и нашего Времени. Оратория была исполнена с успехом, а на концерте, посвящённом юбилею со дня окончания гражданской войны были исполнены её фрагменты с яркими сценическими решениями. Режиссировал наш ректор В.П. Демин, хормейстером вновь был В. Успенский, а дирижировал В. Тиц. «Ариозо матери» и «Партизанская» песня прозвучали с огромным успехом

Конечно, организация таких сил возникла благодаря заботе высоких советских и партийных властей. Исполнение было фантастически удачным. Во всяком случае мне, молодому композитору так показалось. Собственно и сравнивать было не с чем. Ведь мои крупные произведения (будущие симфонии и оперы) ещё не появились и, естественно, слышать свою музыку

в столь мощных звучаниях мне не было дано. На таких «высоких» и невероятно *радостных* нотах закончились три обязательных года работы в училище искусств. Потом радостно звучала кантата на Стихи П. Комарова (чудесный поэт-лирик) «Лесная музыка». Пел женский хор Института...

Тут нужны некие рассуждения о профессионализме в наших музыкальных специальностях. Для мало просвещённых работа музыканта проста, светла и *радостна*. Звучит это неплохо, но «присутствие» в музыке только в таком качестве у нас, у музыкантов не получается. В музыке невозможно только «присутствие». Она требует полной подчинённости. Многим из нас (не говоря уж о самых доброжелательно настроенных слушателях) кажется, что мы являемся «хозяевами в этом музыкальном доме». Заблуждение тотальное: на самом деле музыка хозяйничает и властвует над нами, а не мы над ней. Мы делаем то, что *она требует*. Но нам-то кажется, что это наша заслуга. Эти сложные отношения между людьми и музыкой надо познать, чтобы понимать и музыку и музыкантов. Мы – рабы музыки. В последние времена этим очень сильно и часто (и очень нечестно) пользуются вышестоящие власть придержащие (и бюджет распределяющие) люди.

Забегая вперёд расскажу такую историю. Начало её положил знаменитый Иосиф Гайдн. Он однажды написал симфонию, которая вошла в историю как Симфония «Abschied» («Прощальная»). Так она и живет – бессмертная – во все времена. В том числе и в наши. Что он имел в виду? С кем прощался? Все просто: капелла князя Эстерхази устала без отдыха, хотя сопровождая княжеский двор и находились «на отдыхе» вне Вены и вне основных владений князя. Неслыханная «дерзость» композитора заключалась в том, что он «намекнул» на необходимость отдыха. Но как намекнул? В высшей степени корректно и оригинально: в финале симфонии оркестранты поочередно гасили свечи перед своими нотами и тихонько уходили за кулисы. Оркестр быстро редел, а в 107-м такте коды финала ушли последние два скрипача... Князь понял... Наказания за дерзость не последовало. Наступил долгожданный отдых...

Это было в XVIII веке. И вспоминать об этом по праву должны бы люди в то время жившие. Но времена летели и наступил постперестроечный разгром культуры, науки, образования (я эти события воспринимаю именно так)... В результате этого разбоя и разграбления симфонический оркестр Карельского радио оказался «выведенным за штат». А если выразиться проще – выкинули его. И тогда оркестр сыграл «Прощальную» симфонию И. Гайдна и гасил свечи... Музыканты наивно думали, что сейчас-то начальство (а оно, конечно же, чувствует себя в наше время гораздо гуманнее чем

какие-то там «эстерхази»), пристыженное такой исторической параллелью быстро решит вопрос. Святая нивность... Эти люди размышляли просто, но верно: вы так любите музыку? Вы её не предадите никогда? Значит, всё равно сочинять, играть, петь думать о ней, служить ей не прекратите. Куда ж вы денетесь? А нам не мешайте продолжать нашу «прихватизацию».

А Эстархази в своё время «положил» Гайдну такую пенсию, при мечте о которой становится *грустно*.

Карельский оркестр сохранился. К счастью! Только это всё отдельная и очень история, но всё же принесшая *радость*.

Спрашивается – зачем я реанимировал эти события уже, кажется, ушедшие в Лету?

А вот зачем. За плечами консерватория. Большой успех с сочинением и исполнением опуса «С именем Ленина». Но тут поступает приглашение на работу во вновь открывающийся Институт культуры. Опять возникла необходимость принимать почти эпохальные решения. Приглашают уже в штат, а не по совместительству. Но работа в высшем учебном заведении предъявляет и иные – высшие – требования к профессионализму. Тут интересы сошлись: с одной стороны указанные требования, а с другой – моя собственная неудовлетворённость своим уровнем. Он уже перестал удовлетворять меня самого. И вновь воспоминание в воспоминаниях: поступая в консерваторию я чувствовал себя уверенно. Ведь два года свободной в музыкальном отношении работы (службы) в ансамбле породили эту уверенность потому что это была, действительно великая **школа**. Однако став студентом я быстренько понял, как я мало знаю того, без чего и называться-то музыкантом невозможно, а уж композитором – просто стыдно. Прошли годы и уже в 1968 году (ещё работая по совместительству в институте) затрепетала мысль: нужна аспирантура. Перехожу в штат института и еду в Ленинград поступать в аспирантуру. «Бывалые» и осторожные люди заехали: зачем в Ленинград, ведь там требования запредельные. Не поступишь. А моё мнение было иным: зачем мне поступать туда где требования соответствуют только моим недостаточным знаниям? Надо ехать туда, где они запредельные! Да и сам по себе Ленинград – это уже уровень совсем иной.

Так мои отношения с Институтом начались с *радостных* для меня и для института событий. Это оказалось дружбой навсегда. Дружбой не на показ, а навсегда. Кто выиграл больше? Я или институт? Наверное – никто. И никакого выигрыша, а простая **честная** жизненная ситуация. Разве такое забывается?

Получилось в очередной раз спонтанно? В чем-то да. По - русски. Эх! Рвануть на груди рубаху и вперёд. Рвать рубаху не стал – не так уж много их у меня было. И кто знает, если бы я остался в преподавателях в училище и плюс к преподаванию занимался бы только композицией, возникло бы столь острое желание повышаться теоретически? Трудно сказать, но сейчас я знаю: не получился бы такой вариант. Тут необходимо ещё одно маленькое (маленькое ли?) замечание: в молодые годы я с удовольствием занимался с учениками-композиторами. Но постепенно убеждался, что музыкант без мощнейшей теоретической базы не может быть композитором. Следовательно, только на той, богом данной (и обязательной) базе таланта, «далеко не уедешь». Показательный пример: Моцарт и Мусоргский. Два гения. Первый «оснащён» всем арсеналом полифонической и гомофонной техники. Второй (гений не меньший!) всю жизнь испытывал трудности технического характера...

Итак, возвращаясь к своему жизненному опыту, замечу: без постоянной подпитки со стороны теории не состоялось бы и композиторских успехов. Но переход в институтский штат дал мощный толчок. Спасибо институту. Так мы с ним и пошли «в ногу». Правда он – институт – не знал, что идёт со мной в ногу. И даже я сам уже позже с изумлением обнаружил, что вся моя молодость (словно взлётная полоса) прошла в поисках нового впереди. Школьная самодеятельность – гитара; два начальных училищных года – домра; два последующих года – хоровое дирижирование; армейский ансамбль песни и пляски с его универсальностью практических работ – сочинение, хоровые и оркестровые аранжировки, инструментовки, дирижирование в концертах; консерватория – композиция; аспирантура – теория. Последующая работа и вся жизнь – наука (книги, статьи, две диссертации...) и композиция – 8 симфоний, 5 фортепианных концертов, оратории, кантаты, оперы, балеты...

Порой охватывает смятение: всего понемногу, Хорошо ли это? Не лучше бы «разброс» поуже, но фундаментальнее? Не могу ответить.

А ответ даёт сам факт моего перехода в институт. Итак – Институт культуры. Это эпоха незабываемая. Молодость, силы, возможности, потребности, успехи и неудачи, *радости* достижений и *грусть* потерь. Вот сказал – молодость. Это замечательно! Преподаватель не намного старше студентов, а посему и интересы не только профессиональные, но и просто житейские общие. Это значит – взаимопонятные. Так ли уж просто было найти волшебный вариант песни «Зелёные куртки»? Без хвастовства и пижонства констатирую: песня удалась! Но для истории и жизни песни этого мало. Надо ещё (и обязательно надо), чтоб она жила и «работала». Как

добиться этого? Просто – не надо «добиваться». Она либо сама найдёт дорогу к сердцам поющих и слушающих, либо тихо скончается. И никаких разочарований не приемлет. Вот совпали возрасты и устремления авторов и исполнителей-слушателей с настроениями своего времени песня стала необходимой. Рухнули надежды нескольких поколений – и песня забылась. И чего лукавить – *грустно* все это, но и *радостно*. Потому, что было это. БЫЛО! и нашему поколению повезло с эпохой. Повезло, хотя было много-много трудностей (а разве в истории есть времена без трудностей?) сейчас идеология и пропаганда, ретиво соревнуясь в выборе непристойных средств и выражений, ругает «наше» время.

Маленькое отступление: как-то мой приятель рассказывал: вылет задерживался. Уходили часы. Усталость накапливалась. Наконец объявили посадку. «Вползаю», говорит, в самолёт, бухаюсь в кресло, мгновенно погружаюсь в сон, а пассажиры никак не угомонятся. Шумят. Вскрикивают с мест.... Раздраженно говорю: да, успокойтесь же, дайте спокойно долететь. Отвечают: «куда лететь, уже прилетели». Этот вполне смешной (не более того) эпизод возвышается до аж до притчи. Наше поколение: разбег, взлёт? А где полёт? Такой нужный авторам и слушателям? Оказываемся лишь в конце взлётной полосы.

Наше поколение «уже прилетело?» Выходим на трап. Встречают «накачаные» мальчики, поднаторевшие в делании денег, но не умеющие ни учить, ни лечить...

Однажды, в начале 90-х в Финляндии состоялась премьера моей оперы «Тростниковая свирель». Её ставили финские мастера сцены: солистка Еэва-Каарина Вилке, режиссёр Пиррколиза Тика, дирижёр Пекка Хаапасало. Он в разговоре «об жизнь» ругал на «все корки» условия жизни и творчества в Финляндии и при этом считал, что в СССР всё правильно устроено. Он ещё не понял, что эта «правильность» устроенности вот-вот рухнет. Через некоторое время он приехал в Петрозаводск для концертного исполнения «Тростниковой свирели». Жизнь в России уже быстро превращалась в ужас, но он не хотел этого видеть и продолжал восхищаться.

Для чего я вдруг вспоминаю то, что для моих взаимоотношений с Институтом, казалось бы, значения не имеет. Но на самом же деле, всё что было имеет отношение с тем временем (которое не мы выбрали), а для меня, следовательно, и с Институтом. Нам выпало ТО время. То, которое требовало от нас отдачи полной и *радостной*. Оно - время – давало нам возможность проявить себя. Мы – время и люди - жили совместно. А премьера «Тростниковой свирели» в музыкальном театре Петрозаводска (для которого и сочинялась!) состоялась только в 2013 году и была «плановым»

оскорблением не только авторов: композитора и либреттиста Армаса Мишина – замечательного поэта и всемирно известного учёного-«калевалиста», но всей богатейшей культуры северного края.

И чем дальше и безвозвратней уносит время, тем ощутимей та опорность в жизни и профессии, та «якорность» лет работы в институте (взлётная полоса!). Тот карьерный путь намеченный институтом. В институте я успел ознакомиться с опытом заведывания кафедрой теории и истории музыки. Состав кафедры – молодёжь. А. Никитин, В. Кузнецова, В. Поздняков, В. Козловская, Ю. Засуха (нынешний заведующий!). Всех не перечислить¹. К ней в качестве «секции» были присоединены и пианисты, то есть, говоря попросту – «общий курс фортепиано». О чем это говорит? О том, главное в институте – подготовка кадров для культпросветработы. Для этой работы в Восточной Сибири, на Дальнем востоке и в Приморье было поле настолько невозделанное, что любая совместимость (как в нашем случае: теория, история, фортепиано) была необходима, была эффективна, была востребована. Куда бы я (и не только я) не приехал в служебную командировку по делам института или по заботам Дальневосточной композиторской организации (к этому моменту я был уже в «должности» её ответственного секретаря) – везде были *радостные* встречи с нашими недавними студентами или со студентами-заочниками. Вопросы, вопросы, проблемы, проблемы, интересы, загадки, поиски. До сих пор жалею (а с «нанизыванием» лет всё больше), что мало ездил в такие командировки: Сахалин, Магадан, Благовещенск, Биробиджан, Владивосток... А вот Чукотка и Камчатка не оказались «на пути», хотя наши заочники - «камчадалы» искренне приглашали (и не только для насущных консультаций, но и для знакомства с краем. Не «вырвался»...

Но и эпоха **Института не закончилась**. Не прервалась, а продолжилась, но в Петрозаводской консерватории.

А что дал переход в консерваторию? Называлась она не «Петрозаводской», а филиалом «Ленинградской». Это обстоятельство позволяет считать этот переход большой восходящей ступенью. Взлётная полоса закончилась. Транспортное средство взмыло над землёй. Молодой Институт и матёрая российская (ПЕРВАЯ!) консерватория с мировой известностью и огромным шлейфом имён выдающихся деятелей музыки. Сопоставимы ли они? Для меня бесспорно – сопоставимы. Одно без другого невозможно. Прежде чем перезжать в Петрозаводск надо было закончить аспирантуру и защитить кандидатскую диссертацию. Тему я избрал

¹ Интересующимся рекомендую справочник: «Хабаровский государственный институт искусств и культуры в событиях и лицах 1968 – 2013. Хабаровск 2013.

сложную, но интересующую (и даже – интригующую) меня давно – с консерваторской скамьи: о сущности «интонационного словаря» (примером для исследования были симфонии Н.Мяскового, С. Прокофьева и Д. Шостаковича). Увлекательное исследование, но сложности невероятной. Об этом (о сложности) я узнал позже. Узнав, чуть было «руки не опустил». Но мой шеф - к тому времени уже широко известный у нас и в Европе профессор Ю.Г. Кон - не позволил.

Таковы «шаги» моей истории. Конечно, переход в консерваторию (которая во всех отношениях – рангом выше института) позволил мне сделать очередной шаг вперёд. Но получил ли я очередной заряд радости, каковая была при переходе в институт? Вопрос, на который дать ответ и сейчас не могу. Сожаление сопровождает и крепнет, но... Постепенно, костенея в объятиях академических форм творчества и науки, освоения многообразнейших способов для «выживания» в ухудшающихся условиях (**а ведь высшая цель – музыка и её исследование**) обучения поколений «обречённых» нас сменить, всё стремится погасить пыл молодости. Навешают мысли – а не пора ли сдать позиции? Открыть путь молодым? Можно и так, но разве кто-то преграждает путь молодым? Мы носители идей системы, но другой. Той, с которой пришли в эту жизнь и профессию. И она, кажется, не даёт сбоя, чтобы считать её изжившей и, тем более, тормозящей движение вперёд. Порох в пороховницах ещё есть, не отсырел, но почему-то он не очень нужен обществу. Обществу или чиновному люду, от имени общества орудующему на финансовой ниве? Вопросы, вопросы...

А воспоминания о молодости, об институте и о закалке тех лет хотя и не дают исчерпывающих ответов на многие вопросы, но радостны.